

ди Похаринска построили Коммунистический собор, что, разумеется, выдумка, но психологически достоверная. Такой же психологически достоверной выдумкой является и рассказ о геройском десанте. В этом не подходящем к описанию событий Гражданской войны и особенно одного из важнейших ее эпизодов – штурма Перекопа – анекдотическом тоне, и проявляется «неверие». Ср., в статье с красноречивым названием «Ошибки мастера» критик М. Майзель пишет: «Так даже в “мелочах” изображать гражданскую войну – значит не понять ее основных движущих сил, не увидеть настоящего “героя” тех лет» [1, с. 198]. Однако «неверие» не означает зубоскальства. Оно связано с сомнением в «готовом слове» (М. Бахтин), а сомнение – начало познания.

У пуховского «неверия» есть и другая сторона, а именно – страстное желание поверить. Именно с ним связано участие Фомы Егорыча в революционных событиях. Религиозный контекст выступает в повести не только как средство анекдотического снижения, но и как знак утраченной гармонии душевной жизни. «...В религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места еще не нашли» [3, с. 138], – эти размышления Пухова близки автору. Ср., в статье «О любви» А. Платонов пишет: «Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою богородицу» [2, с. 173].

Примечания

1. Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 195–202.
2. Платонов А. П. О любви // Возвращение / предисл. С. Залыгина; коммент. Н. Корниенко. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 172–175.
3. Платонов А. П. Сокровенный человек // Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 100–169.
4. Толстая Е. Д. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 511 с.

*Ю. А. Старицына, Р. Х. Каримова (г. Стерлитамак)
Бакирский государственный университет, Стерлитамакский филиал*

Тема смерти в рассказах Жана-Поля Сартра «Стена» и Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных»

В статье рассматривается тема смерти в рассказах Ж.-П. Сартра и Л. А. Андреева. Проблема представлена с точки зрения ее понимания героями рассказов, испытывающих душевные муки и страдания в преддверии небытия.

Ключевые слова: жизнь, смерть, символ, стена, состояние, душа, Бог

Вопросы жизни и смерти, состояния человека на пороге небытия занимали многих русских и зарубежных писателей, таких как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Андреев.

У Достоевского это рассказ князя Мышкина о состоянии человека перед казнью. Толстой посвятил рассказ «Смерть Ивана Ильича» описанию жизни накануне смерти. Его герой – смертельно больной человек, который знает о своей грядущей кончине.

Леонид Андреев, писатель более позднего времени, вдохновленный произведениями предшественников, создает свое, новое произведение «Рассказ о семи повешенных», где отражаются его собственные взгляды на жизнь и смерть, посвящает он его Л. Н. Толстому.

В 1891 г. Л. Андреев писал: «Я хочу на основании тысячелетнего опыта самосознания, на основании науки показать человеку, что ни он сам, ни жизнь его – ничего не стоят. Я хочу показать, что на свете нет истины, нет счастья, основанного на истине, нет свободы, нет равенства, – нет и не будет. Я хочу показать, что вся жизнь человека (ого!) с начала до конца есть один сплошной бессмысленный самообман, нечто чудовищное, понять которое значит убить себя. Я хочу показать, как несчастен человек, как до смешного глупо его устройство, как смешны и жалки его стремления к истине, к идеалу, к счастью. Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми до сих пор человечество поддерживало себя: Бога... нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т. д. Я хочу показать, что одна только смерть дает и счастье, и равенство, и свободу, что только в смерти истина и справедливость, что вечно одно только “не быть” и все в мире сводится к одному, и это одно, вечное, неизбежное есть смерть. Я хочу быть апостолом самоуничтожения» [2, с. 62]. Рассказы Ж.-П. Сартра «Стена» и Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных» посвящены одной теме – ожиданию смертной казни. Писатели помещают своих героев в камеры смертников, где те кричат, рвут на себе волосы, чувствуя, что она [смерть] уже вошла в камеру и ищет свою жертву: «...стало как-то страшно. Точно его оголили всего, как-то необыкновенно оголили – не только одежды с него сняли, но отодрали от него солнце, воздух, шум и свет, поступки и речь. Смерти еще нет, но нет и жизни, а есть что-то новое, поразительно непонятное» [3, с. 360].

Герои рассказов Ж.-П. Сартра и Л. Андреева погружаются в состояние гипноза, на них «давила страшная безумная тяжесть», «все перестало интересоваться, но это было ужасное спокойствие» [Ж.-П. Сартр], «всякая мысль – было безумие, всякое движение – было безумие» [Л. Андреев]. Дикий ужас человека, сходящего с ума, испытывает перед смертью Василий Каширин «Погасало сознание... Наступило ничего» [1, с. 536]. От неприятия смерти герой переходит к неприятию жизни. «В ужасе и тоске» оканчивал он свою жизнь. В нем наиболее ярко представилось такое естественное чувство для каждого человека, как боязнь смерти. Он наиболее явственно чувствует разницу между жизнью прежней и жизнью настоящей, последнюю правильнее было бы назвать преддверием смерти. «И вдруг сразу резкая, дикая, ошеломляющая перемена. Он уже не идет куда хочет, а его везут, – куда хотят... Он уже не может выбрать свободно: жизнь или смерть, как все люди, и его

непременно и неизбежно умертвят» [1, с. 188]. Каширин не верит, что его мир настоящий реален, поэтому все вокруг и он сам представляется ему игрушечным. Лишь на суде он приходит в себя, но уже на свидании с матерью он опять теряет душевное равновесие.

Мужественно встречают смерть и женщины, участвовавшие в заговоре: «...смотрела молодая бледная девушка, неизвестная, по прозвищу Муся. Она была моложе Головина, но казалась старше в своей строгости, в черноте своих прямых и гордых глаз. Только очень тонкая, нежная шея да такие же тонкие девичьи руки говорили о ее возрасте, да еще то неуловимое, что есть сама молодость и что звучало так ясно в ее голосе, чистом, гармоничном, настроенном безупречно, как дорогой инструмент, в каждом простом слове, восклицании, открывающем его музыкальное содержание. Была она очень бледна, но не мертвенной бледностью, а той особенной горячей белизной, когда внутри человека как бы зажжен огромный, сильный огонь, и тело прозрачно светится, как тонкий севрский фарфор. Сидела она почти не шевелясь и только изредка незаметным движением пальцев ощупывала углубленную полоску на среднем пальце правой руки, след какого-то недавно снятого кольца. И на небо она смотрела без ласки и радостных воспоминаний, только потому, что во всей грязной казенной зале этот голубой кусочек неба был самым красивым, чистым и правдивым – ничего не выпытывал у ее глаз. Сергея Головина судьи жалели, ее же ненавидели...» [1, с. 187].

Муся была счастлива, потому что страдала за свои убеждения. Романтические ее представления о женственности помогают ей в этой тяжелой ситуации. Ей даже стыдно за то, что погибать она будет как люди, которым она поклонялась и сравнить себя с которыми просто не смела.

Ее подруга Таня Ковальчук смерти тоже не боится. «Смерть она представляла себе постольку, поскольку предстоит она, как нечто мучительное, для Сережи Головина, для Муси, для других, – ее же самой она как бы не касалась совсем» [1, с. 189].

Совсем другим был Вернер. «Если лицо можно замкнуть, как глухую дверь, то свое лицо неизвестный замкнул, как дверь железную, и замок на ней повесил железный. Но этот закрытый, неразговорчивый человек в последние дни становится заботливым, и сердце его наполняется любовью. Осознание смерти переменило Вернера, он увидел «и жизнь и смерть и поразился великолепию невиданного зрелища. Словно шел по узкому, как лезвие ножа, высочайшему горному хребту, и на одну сторону видел жизнь, а на другую видел смерть, как два сверкающих, глубоких, прекрасных моря, сливающихся на горизонте в один безграничный широкий простор... И новою предстала жизнь». Никогда бы прежний Вернер не понял страданий Васи Каширина, никогда бы не посочувствовал Янсону. Новый же Вернер заботится и искренне жалеет самого немощного и слабого, в последний путь он идет именно с Янсоном. Вернер радуется, что может доставить хоть минимум удовольствия своему спутнику, дав ему папиросу. Таким образом писатель настраивает читателя на неприемлемость насилия. Значительна по-

следняя фраза рассказа: «Так люди встречали восходящее солнце». В ней заключено все противоречие жизни и смерти. Насилие нельзя оправдать ничем, оно противоречит жизни – законам природы.

Главный герой Ж.-П. Сартра свое положение воспринимает словно со стороны. Допрос перед казнью кажется ему потешным, мелкие заботы офицеров – смехотворными. Смерть обесценивается все, чем раньше дорожил человек: жизнь, любовь, свободу. Символично название рассказа – «Стена», которое может трактоваться как: 1) стена, у которой должны расстрелять героя; 2) стена непонимания как необходимая дистанция между героем и другими; 3) стена, которая отделяет смертных от свободы, от мира, от их прошлого и будущего; 4) стена как символ абсурдности мира. Такое толкование позволяет рассматривать смерть как обретение свободы. Стена в данном случае выступает как некий рубеж, граница между двумя мирами, та заветная черта, переступив которую бытие переходит в небытие. Заметим, что у обоих писателей присутствуют образы тишины, неба, ночи: «...ночь охватила нас темной, бесформенной массой» [Ж.-П. Сартр]; герои Л. Андреева чувствуют «таинственную и грозную сущность ночи». Эти образы в произведениях – знаки космической гармонии, недостижимой на земле, где люди испытывают животный страх перед смертью. У обоих писателей серый цвет передает ощущение удручающего однообразия, неподлинного бытия. Таковы лица героев – серые, землистые.

Таким образом, смерть в произведениях писателей – это «мрак пустоты и ужас Бесконечного», это небытие, абсолютное ничто, великая тайна. Ж.-П. Сартр и Л. Андреев показали невыносимый страх смерти как выражение бессмысленности жизни. Образы природы помогают писателям приблизиться к вечному, непрерывному. Смена дня и ночи предстает как переход человека из одного состояния в другое.

Примечания

1. Андреев Л. Повести и рассказы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989. 536 с.
2. Андреев Л. SOS: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / ред. Р. Дэвис. М.; СПб.: Athenaeum; Феникс, 1994. 62 с.
3. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 297–312.
4. Смирнов В. В. Проблема экспрессионизма в России: Л. Андреев и В. Маяковский // Русская литература. 1997. № 2. С. 55–63.
5. Розенфельд Б. Записки библиофила. К истории создания Леонидом Андреевым «Рассказа о семи повешенных» // Terra Nova. 2006. № 17 (ноябрь). URL: <http://www.muza-usa.net>